

DOI: 10.12731/2077-1770-2021-13-2-190-202

УДК 811-1

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВИСТИКИ

Шмелева Т.С.

Статья посвящена изучению реализации пространственных отношений и представлений о пространстве в языке с точки зрения когнитивной лингвистики. Рассматривается специфика формирования в сознании человека субъективного представления о пространственной структуре внешнего мира, пространственных отношениях, анализируются особенности языковой репрезентации пространственных образов.

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования составляют методы лингвистического описания и концептуального анализа.*

В результате проведенного исследования *была выявлена специфика формирования представлений о пространстве в языке как процессе и результате познавательной деятельности человека, в результате которой в сознании человека, выстраивается «когнитивная карта», т.е. субъективное представление человека о пространственной структуре внешнего мира, о пространственных отношениях между объектами. Были рассмотрены языковые средства выражения пространственных отношений.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в курсах по языкознанию и теоретической грамматике.*

Ключевые слова: *пространственные отношения; когнитивная лингвистика; пространственный концепт; пространство; язык; информация; категоризация; когнитивная карта; пространственный предлог*

SPATIAL RELATIONS IN LANGUAGE FROM THE POINT OF VIEW OF MODERN COGNITIVISM

Shmeleva T.S.

The article is devoted to the study of the implementation of spatial relations and representations of space in a language from the point of view of cognitive linguistics. The specificity of the formation of a subjective idea of the spatial structure of the external world in the human mind and of spatial relations is considered, the features of the linguistic representation of spatial images are analyzed.

The method or methodology of the work performed. *The research is based on the methods of linguistic description and conceptual analysis.*

As a result of the study, the specificity of the formation of ideas about space in language as a process and a result of human cognitive activity was revealed, as a result of which a “cognitive map” is built in the human mind, i.e., a person’s subjective idea of the spatial structure of the external world and of the spatial relationships between objects. The linguistic means of expressing spatial relations were considered.

Practical implications. *The results of the study can be used in courses on linguistics and theoretical grammar.*

Keywords: *spatial relationships; cognitive linguistics; spatial concept; space; language; information; categorization; cognitive map; spatial preposition*

В основе современного подхода к изучению реализации пространственных отношений и представлений о пространстве в языке как процесса и результата познавательной деятельности человека лежат идеи когнитивной лингвистики. Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие категоризации – способности человека классифицировать, систематизировать, упорядочивать явления онтологической реальности в своем сознании, т.е. распределять их по классам, категориям, группам на основе

своих умозаключений об их особенностях, сходствах и различиях. В процессе категоризации выстраиваются отношения между концептами не только в пределах одной категории или одного класса, сформированного на основе общих характеристик, но и отношения между самими категориями.

Н.Н. Болдырев, рассматривая роль языка в организации сознания, отмечает, что современные исследования языка с когнитивной точки зрения позволяют предположить, что дискретность языковых единиц и связей между ними является исключительно важной характеристикой не только для самого языка, но и для понимания процессов и результатов организации и функционирования человеческого сознания. Структурированность языка представляет собой объективное доказательство аналогичного свойства сознания, поскольку язык является его частью и его продуктом, но в то же время, это наличие этого свойства позволяет сделать вывод о существенной роли языка в процессах структурирования сознания, как обыденного, так и научного [3, с. 37].

Многочисленные современные исследования в области гуманитарных и общественных наук подтверждают обязательное наличие структуры у человеческого сознания. В этих исследованиях особый акцент ставится на то, что именно благодаря структурированности сознания человек способен адаптироваться к окружающей среде и жить в ней, а также вести эффективную вербальную коммуникацию в социально-бытовой, научной и профессиональной сферах. При этом основным условием считается то, что сознание должно быть структурировано в соответствии со структурой мира, личности человека и видам его деятельности. Отсюда следует, что вне этой структуры человек не способен адекватно воспринимать окружающие предметы, понимать их локализацию и пространственные отношения, ориентироваться в пространстве, совершать поступки в соответствии с ситуацией [5, с. 36].

Язык не копирует реальность, а определенным образом – антропоцентричным – конституирует и категоризирует ее. Н.Н. Болдырев говорит о языковой картине мира как об определенной интерпрета-

ции мира и знаний о мире в когнитивной системе человека [2, с. 38]. Человек в результате обработки и интерпретации знаний об окружающем пространстве, о нем самом и о его положении в этом пространстве формирует представления об окружающем мире со всеми присущими ему пространственными параметрами [Там же, с. 55].

В когнитологии на основе мысленных репрезентаций окружающего пространства, формирующихся в сознании человека, выстраивается «когнитивная карта» – субъективное представление человека о пространственной структуре внешнего мира, пространственных отношениях между объектами. Когнитивные карты формируются в результате движений и других активных действий в окружающей среде и характеризуются наличием пространственных координат, как правило, с эгоцентричной точкой отсчета: верх – низ, право – лево, далеко – близко и т.п. С помощью когнитивных карт человек определяет положение отдельных объектов в пространстве [4, с. 48].

Когнитивная лингвистика рассматривает пространство как одну из основополагающих человеческих универсалий наряду с концептами времени, места, истины, человека, языка и т.д. Однако, имея идентичные наборы универсальных концептов, различные этнокультурные сообщества могут формировать особые, характерные только для него взаимоотношения между этими концептами, в результате чего выстраивается основа специфической национальной картины мира. Так, например, если рассматривать концепт «пространство» в общем понимании, то, по мнению Г. Гачева, русский образ пространства связан с горизонтальным, однонаправленным, бесконечным движением (вширь, вдаль, «ровнем-гладнем», по Н. Гоголю), а болгарский образ пространства представляет собой замкнутую космическую сферу [10, с. 95].

Поскольку категоризация пространства происходит главным образом через канал зрительного восприятия, многие исследователи обратили свое внимание на алгоритмы формирования пространственных образов в сознании человека путем обработки зрительных сигналов. Так Р. Джекендофф и Б. Ландау попытались выяснить, каким образом язык, используя внеязыковые представления

о пространстве (spatial cognition), описывает объекты зрительного восприятия, и как с помощью языка мы можем раскрыть и проанализировать характер внеязыковых представлений. В своих исследованиях авторы предпринимают попытку воссоздания концептуальных моделей пространственных отношений между предметами, основываясь на семантике языковых единиц и акцентируя внимание на пространственных предлогах. Для этого, используя свой когнитивный опыт и языковые знания, авторы стремятся определить, какие из всех возможных характеристик пространственного расположения объектов оказывают влияние на семантику пространственных предлогов, а значит, зафиксированы в соответствующих пространственных концептах. Результаты их исследований позволяют предположить, что наиболее значимыми для пространственного восприятия и мышления оказываются такие характеристики, как линейная ориентация, которая отражена, например, в предлогах *in front of, behind, over, above, under, below*; относительная локализация, например, в предлогах *in, inside, on, against, near*; количественные характеристики ориентира, проявляющиеся в предлогах *between, among, amidst* и другие. В основе выделенных характеристик также лежат внеязыковые знания об окружающем мире, в котором когнитивный аппарат человека выделяет особые структуры – концепты, сопоставляемые с вербальными средствами выражения [9, с. 23-24].

Исследованиями пространственных концептов занимался и Л. Талми, который пытался дать описание пространственным категориям, определить их общие основополагающие характеристики и их место в более широких лингво-когнитивных системах. В основе исследования Л. Талми также лежит общекогнитивный взгляд на пространство и пространственные характеристики объектов, релевантность которых для языка считается предопределенной. Среди таких характеристик исследователь выделяет статическое положение объекта в пространстве (*its site when stationary*), траектория движения или путь объекта (*its path when moving*), ориентация объекта в статическом положении и в движении (*its orientation during either state*). В частности, внимание акцентируется на различные пути ос-

мысления объекта и его роли в пространственной схеме. Прежде всего это касается объектов-ориентиров или фона, т.е. тех объектов, относительно которых описывается местонахождение основного объекта или фигуры в пространственной схеме. Позднее в своих работах Л. Талми озвучивает предположение о том, что языковые средства выражения пространственных категорий и отношений в принципе не отражают классические понятия геометрии и физики, такие как абсолютная величина, расстояние, геометрическая форма, плотность, физический состав и т.д., что, по мнению автора, свидетельствует о топографичности языка [Там же, с. 25-26].

Кроме того, Л. Талми вводит понятие «лингвокультурный пред-выбор», которое охватывает процессы, влияющие на выбор пространственного предлога для обозначения определенных отношений между участниками пространственной сцены. Примечательно, что на такие процессы не зависят ни от семантики предлога, ни от объективных характеристик денотата, ни от коммуникативных задач, но основываются на лингвистических и/или культурных особенностях концептуализации денотата. Автор приводит следующие примеры концептуализации ситуации: в английской лингвокультуре автомобиль воспринимается как вместилище или контейнер, а автобус – как плоскость.

A passenger is in a car. – A passenger in on a bus.

A rider gets into/out of a car. – A passenger gets onto/off a bus.

А в немецкой лингвокультуре оба объекта концептуализируются как вместилища [Там же, с. 28].

В отечественном языкознании данный вопрос также не остался без внимания. О.Н. Селиверстова еще в 1975 г. отмечала необходимость выделения особой группы семантических явлений, не зафиксированных в каком-то определенном языковом знаке, но предопределяющих способ репрезентации объекта в рамках ситуации заданного типа. Например, крона дерева может быть представлена в виде трехмерного пространства или некоего контейнера, границу которого формирует внешний слой листьев, а положение объекта на ветке дерева в таком случае описывается как нахождение внутри

этого пространства или контейнера. Именно так это происходит в английском языке, который в подобной ситуации предполагает использование предлога *in* (*There is a bird in the tree*, букв. «В дереве птица»). С другой стороны, выбор предлога может основываться на том, что поверхность ветки является частью общей поверхности дерева, и именно такое видение зафиксировано в русском языке, для которого при описании данной пространственной схемы свойственно употребление предлога «на», соответствующий английскому «on» («Птица сидит на дереве»). При этом следует отметить, что для обозначения ориентира, относительно которого описывается местонахождение объекта, в обоих языках используется именно общее понятие (*tree*, *дерево*), а не его часть (*крона*, *ветка*) [Там же, с. 30-31].

Дж. Лакофф рассматривает концептуальную систему человека с точки зрения ее метафоричности. Он ввел понятие «ориентационной метафоры», представляющей собой особый «вид метафорических концептов, не структурирующих один концепт в терминах другого, а организующих целую систему концептов относительно другой системы». Эти концепты получили свое название благодаря своей связи с ориентацией в пространстве: «верх – низ» «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «на поверхности – с поверхности», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Такие типы пространственных отношений возникают вследствие того, что человеку присуще тело определенной формы, взаимодействующее с материальным миром [8, с. 35].

Дж. Лакофф утверждает, что такие метафорические ориентации возникают не произвольно, а на основании физического и культурного опыта человека. Несмотря на то, что естественные оппозиции «верх – низ», «внутри – снаружи» и т.п. объективно отражают местонахождение объектов в пространстве, ориентационные метафоры, основанные на этих оппозициях, варьируются от культуры к культуре. Авторы в качестве примера упоминают, что в некоторых культурах будущее воспринимается впереди человека, а в других – позади [Там же].

Также Дж. Лакофф отмечает, что, несмотря на изобилие материала для осмысления концептов в терминах ориентации, концептуализация на основе пространственных категорий не безгранична. Опыт взаимодействия с объектами и веществами физического мира создает другую основу для понимания, которая не ограничивается одной лишь ориентацией. Категоризация опыта с точки зрения объектов и веществ позволяет выделять его части и оперировать ими как единообразными дискретными сущностями или веществами. Как только части человеческого опыта отождествляются с объектами и веществами, возникает возможность обращаться к ним, распределять по категориям, группировать и оценивать их количество и тем самым размышлять о них [Там же, с. 49].

Важно отметить, что даже когда объекты физического мира не дискретны или не имеют выраженных границ, человек концептуализирует их как отдельные объекты с четкими границами. Так, например, горы или углы улиц в действительности не имеют четко выраженных границ, но человек воспринимает их как дискретные объекты, и в его сознании эти объекты имеют четко выраженные начало и конец. Эта особенность восприятия явлений материального мира служит для решения определенных практических задач: определения и описания местонахождения гор, их начала и конца, достижения договоренности о встрече на углах улиц или описания расположения магазина на перекрестке. Постановка целей как важное условие успешной деятельности человека требует создания искусственных границ для материальных явлений, чтобы придать им такую же дискретность, какая присуща человеку как физическому телу, ограниченному наружной поверхностью [Там же].

Среди всех пространственных концептов особый интерес со стороны зарубежных и отечественных исследователей был проявлен к концепту вместилища, о котором Дж. Лакофф также упоминает. Он говорит о том, что люди как физические объекты имеют свои границы и отделены от окружающей среды поверхностью кожи, поэтому воспринимают мир как внешнее пространство, как все, что находится за пределами их самих. На основе такого восприятия возникают

пространственные концепты «внутри – снаружи», которые могут проецироваться на все физические объекты с соответствующими структурными характеристиками. Такие объекты концептуализируются как вместилища с внутренней частью и внешней поверхностью. Примеры явных вместилищ – это комнаты, помещения, дома. Переход из комнаты в комнату можно представить, как движение из одного контейнера в другой. Эта ориентация передается в том числе цельным, т.е. неполым, объектам, например, камням, которые человек может разбить, чтобы посмотреть, что находится внутри них. Элементы природного ландшафта также принимают на себя эту ориентацию: например, поляна в лесу имеет образ ограниченного пространства и в английской лингвокультуре концептуализируется как вместилище (*in the glade*). Однако здесь стоит отметить, что в русском языке концептуализация происходит иначе, поскольку поляна имеет двухмерный образ (на поляне), что не противоречит мысли автора о восприятии границ объектов и об искусственном наложении границ в случае, когда естественные отсутствуют или не выражены. Многочисленные изыскания показывают, что ощущение пространства и ориентация в нем относятся к наиболее глубоко укоренившимся в человеческом мышлении инстинктам. А обособление определенной территории и выстраивание образных границ вокруг нее являются частью процесса количественной оценки [Там же, с. 54].

В последнее время появляется все больше работ, в которых анализируется концептуализация пространства в малочисленных лингвокультурах, и благодаря их результатам относительность универсалий становится все более очевидной. Одна из таких работ принадлежит С.Х. Шихалиевой, и посвящена она анализу лексических способов реализации пространственного дейксиса в дагестанских языках. Автор называет пространственный дейксис «симбиозом языка и сознания». В работе рассматривается сложная многоступенчатая дейктическая система дагестанских языков, которая сформировалась в результате того, что дагестанские народы издавна населяют горные районы со сложным ландшафтом и рез-

кими перепадами высоты. В связи с этим их дейктическая система отражает параметры, которые в лингвокультурах равнинных народов выражаются описательно языковыми средствами общего лексикона. Например, указываются такие параметры, как степень удаленности объекта от говорящего и его расположение относительно говорящего по вертикальной оси (выше, ниже, на том же уровне), видимость или невидимость, важность или неважность объекта. Все эти параметры в дагестанских языках можно выразить с помощью системы указательных местоимений [11, с. 236].

Возможность выявления алгоритмов и характеристик языковой репрезентации пространственных образов, возникающих в результате чувственного восприятия и осмысления пространственных отношений, может появиться при анализе способов языковой репрезентации знания об универсальных пространственных параметрах объектов окружающего мира: форме, границе, удаленности, движении, статичности, протяженности и т.д. При этом важно учесть наличие «внутренних» концептуальных рамок, ограничивающих средства вербализации знаний о воспринимаемом пространстве, которые специфичны для каждого языка. В качестве таких концептуальных рамок рассматриваются пространственные параметры расположения, формы, характера и направления движения. Анализ ментальных образов пространственных сцен позволяет сделать вывод о том, что способы вербализации воспринимаемого пространства основываются не только на объективных пространственных отношениях объектов внешнего мира, но и на средствах познания ситуации в целом, которые сознание использует для моделирования и категоризации мира. Человек структурирует пространство на основе своего восприятия и определения значимости отдельных его элементов, которые в сознании реализуются в виде концептов, для своей жизнедеятельности. В результате процесса структурирования пространства в сознании различаются фон и фигура, верх и низ, правый и левый, впереди и сзади, далеко и близко, а на их основе создается множество производных концептов, таких как подниматься и опускаться, высокий и низкий, широкий и узкий и т.д. [7, с. 36].

Таким образом, результаты многочисленных зарубежных и отечественных когнитивных исследований свидетельствуют о том, что концептуализация и категоризация пространства окружающего мира и пространственных отношений, существующих между объектами в статической и динамической формах, происходят в виде когнитивной переработки информации, поступающей через каналы чувственного восприятия. В результате такой переработки объективная информация «преломляется» в сознании человека под действием коллективного и индивидуального знания, а на ее основе формируются образы-концепты, не являющиеся точным отражением онтологической действительности.

Список литературы

1. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37-65.
2. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. 2014. № 17. С. 33-39.
3. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35-48.
4. Бороздина И.С. Пространство как основная категория бытия в языковом отражении // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2(12). 2012. С. 5-10.
5. Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке. Диссертация на соискание степени доктора филологических наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р.Державина, 2016. 327 с.
6. Букулова М.Г. Номинация пространства и времени (на материале турецкого языка) // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. № 1(25). С. 56-61.
7. Колесов И.Ю. Проблемы функционально-когнитивного анализа языка. Барнаул: АлтГПУ, 2016. 171 с.
8. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

9. Маляр Т.Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках. Munchen: Sagner, 1998. 345 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
11. Шихалиева С.Х. Когнитивный анализ слов пространственного дейксиса в дагестанских языках // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. С. 234-236.

References

1. Berestnev G.I. K filosofii slova (lingvokul'turologicheskiy aspekt) [To the philosophy of the word (linguocultural aspect)]. *Voprosi yazikoznaniya* [Linguistic issues], 2008, no. 1, pp. 37-65.
2. Boldirev N.N. Kontseptual'no-tematicheskiye oblasti yazykovoy kartiny mira i ikh interpretiruyushchaya funktsiya [Conceptual and thematic areas of the linguistic picture of the world and their interpreting function]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2014, no. 17, pp. 33-39.
3. Boldirev N.N. Yazyk i struktura soznaniya [Language and structure of consciousness]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2016, no. 24, pp. 35-48.
4. Borozdina I.S. Prostranstvo kak osnovnaya kategoriya bytiya v yazykovom otrazhenii [Space as the main category of being in linguistic reflection]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language theory and intercultural communication], 2012, no. 2(12), 2012, pp. 5-10.
5. Buzukladova I.Y. *Egotsentricheskiye modeli kategorizatsii prostranstva v nemetskom yazyke* [Egocentric models of categorization of space in the German language]. PhD dissertation. Tambov: Tambov State University, 2016, 327 p.
6. Bukulova M.G. Nominatsiya prostranstva i vremeni (na materiale turetskogo yazyka) [Nomination of space and time (based on the Turkish language)]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya* [Person. Society. Inclusion], 2016, no. 1(25), pp. 56-61.

7. Kolesov I.Y. *Problemy funktsional'no-kognitivnogo analiza yazyka* [Problems of functional cognitive analysis of language]. Barnaul: AltG-PU, 2016, 171 p.
8. Lakoff D. *Metaforы, kotorymi my zhivem* [The metaphors we live by]. Moscow: Yeditorial URSS, 2004, 256 p.
9. Maljar T.N. *Prostranstvenno-distsionnyye predlogi i narechiya v russkom i angliyskom yazykakh* [Spatial-distance prepositions and adverbs in Russian and English]. Munchen: Sagner, 1998, 345 p.
10. Maslova V.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Minsk: TetraSistems, 2008. 272 p.
11. Shihaliyeva S.H. Kognitivnyy analiz slov prostranstvennogo deyksisa v dagestanskikh yazykakh [Cognitive analysis of spatial deixis words in Dagestan languages]. *Mezhdunarodnyy kongress po kognitivnoy lingvistike: sb. materialov* [International congress on cognitive linguistics: collection of materials]. Tambov: TGU Publ., 2008, pp. 234-236.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шмелева Татьяна Сергеевна, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики, кандидат филологических наук
Удмуртский государственный университет
ул. Университетская, 1, г. Ижевск, Удмуртская Республика,
426034, Российская Федерация
shmelevat@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shmeleva Tatiana S., Associate Professor, Department of Stylistics and Applied Linguistics, PhD in Philology
Udmurt State University
1, Universitetskaya Str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russian Federation
shmelevat@mail.ru